

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: МУЖЧИНЫ ТАКЖЕ МОГУТ БЫТЬ ЖЕРТВАМИ

© 2007 г.

Е.А. Брайцева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik_nngu@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2006

Статья посвящена проблеме домашнего насилия в отношении мужчин, которая вследствие широкого размаха феминистских исследований была искажена и политизирована. Автор анализирует отличие «ситуации насилия» от «конфликтной ситуации», рассматривает причины одностороннего (женского) подхода к анализу жестокого обращения в семье, приводит факты проявления насилия со стороны женщин в отношении своих партнеров/мужей, опираясь на материалы практических исследований. В статье обосновывается необходимость развития соответствующих образовательных программ для женщин-агрессоров в рамках социальных учреждений.

И пришло время, когда сильному плохо.

В.А. Кутырев

Проблема домашнего насилия является одной из острейших проблем современности. Признание частоты случаев жестокого обращения, а также его разрушительного влияния как на индивидуальное благополучие личности, так и на благополучие семьи в целом служит одним из ключевых моментов при рассмотрении данного вопроса. По мнению ряда исследователей [1, с. 157], каждый человек (индивид), наиболее вероятно, может быть подвергнут различным насильственным действиям или даже убит именно членом своей семьи в собственном доме, а не сторонним незнакомцем на улице или в каком-либо другом месте.

Большинство специалистов, занимающихся проблемой насилия в семье, сходятся во мнении, что жестокое обращение между близкими людьми обуславливается комплексом факторов, среди которых трудно выделить доминирующей. К ним относятся: социально-экономический статус агрессора и жертвы, опыт переживания и наблюдения насилия в детстве, злоупотребление алкоголем в семье, низкая самооценка членов семьи, вербальная агрессия и др. Следовательно, на возникновение кризисных ситуаций влияют как объективные причины, так и индивидуальные особенности личности. Не последнюю роль играет и сам процесс протекания взаимодействия между членами семьи, умение преодолевать конфликты и разногласия на ранних этапах при помощи взаимных уступок (если необходимо) и сотрудничества, проявления чувства толерантности в отношении друг друга.

Однако, анализируя феномен домашнего насилия, важно избегать ошибочных суждений, согласно которым уместно ставить знак равен-

ства между понятиями «конфликт» и «ситуация насилия».

Конфликты – одна из распространенных форм социальных действий. В основе конфликтов лежит отсутствие согласия людей, наличие противоречий, противоборствующих сторон со своими взаимонесовместимыми потребностями, интересами, целями, когда достижение целей одного препятствует достижению целей другого, т.е. конкуренция, соперничество выступают как составляющие конфликтной ситуации.

Конфликт представляет собой актуализированное противоречие, то есть воплощенные во взаимодействии противостоящие ценности, установки, мотивы. Конфликт не может существовать сам по себе (независимо от вовлеченных сторон), в него нельзя попасть, как в яму [2, с. 62]. Таким образом, для собственного разрешения противоречие конфликта должно воплощаться в осмысленных и целенаправленных действиях, в их столкновении. Через данное столкновение действий (проявленное или мыслимое) противоречие и идентифицирует себя.

До начала 90-х гг. господствовала традиция рассмотрения феномена конфликта исключительно как негативного явления [2, с. 8]. В современной конфликтологии положение изменилось: наряду с деструктивными (разрушительными) последствиями конфликтной ситуации выделяются и положительные (конструктивные) ее функции: она предотвращает «застой» индивидуальной и групповой жизнедеятельности и стимулирует их движение. Позитивные последствия конфликта для отдельного человека могут состоять в том, что посредством

него может быть преодолена внутренняя напряженность и канализирована фрустрация.

Поскольку домашнее насилие, как и конфликт, связано с определенными трудностями и противоречиями, зачастую данные понятия используются взаимозаменяемо. Факт насилия трактуется как следствие трагической ошибки, приводящей к нарушению коммуникационного процесса и возникновению конфликтов. Таким образом, факт домашнего насилия представляется как крайнее выражение конфликта, когда использование принудительной силы становится обязательным моментом для достижения следующих целей: (а) контроль над другими людьми, (б) восстановление справедливости и (в) самоутверждение или защита самоидентичности [3, с. 444].

По нашему мнению, это не совсем правильно. Одна из главных особенностей домашнего насилия состоит в том, что оно представляет собой повторяющиеся во времени инциденты (паттерн) множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического). Наличие паттерна – важный индикатор отличия домашнего насилия от просто конфликтной ситуации в семье. Американская исследовательница, психолог и видный специалист по проблеме семейного насилия Ленор Уолкер (L. Walker) в своих работах отметила, что для того, чтобы семейный конфликт мог попасть в категорию домашнего насилия, необходимо, чтобы это повторилось хотя бы дважды [4, с. 59]. Если конфликт имеет локальный изолированный характер, то насилие имеет системную основу и состоит из следующих друг за другом инцидентов. Конфликт обычно имеет в своей основе некую конкретную проблему, которую можно разрешить. В «хронической» ситуации насилия в семье один человек постоянно контролирует или пытается контролировать и управлять поведением и чувствами другого, в результате чего «жертва» может получить физический, психологический, социальный или экономический ущерб.

Ссоры и конфликты действительно могут присутствовать во многих семейных отношениях, но домашнее насилие не является конфликтом. Конфликт в семье подразумевает равное положение противоборствующих сторон, которые не согласны в чем-то и имеют право высказывать свое мнение. В ситуации насилия один человек стремится полностью контролировать другого, используя физическую силу, экономические возможности и социальный статус, перекладывая ответственность за насильственные

действия на свою жертву (ее провокационное поведение).

Таким образом, при анализе категории насилия через основные понятия теории конфликтов существует опасность сформулировать расплывчатое определение домашнего насилия, которое, во-первых, в данном подходе приравнено к конфликту, а во-вторых, двусмысленно трактует функции обидчика и жертвы, перенося вину за агрессивный акт на достаточно абстрактные процессы, что ведет к косвенному оправданию поведения агрессора (кем бы он ни был – мужчина, женщина или ребенок).

Семейное насилие очень многообразно:

- жестокое обращение с детьми со стороны взрослых;
- насилие, направленное против супруги(а) или партнерши(а);
- жестокое обращение со стороны родственников (братья, сестры (как родные, так и сводные) и др.);
- насилие над престарелыми членами семьи и т.д.

Однако, несмотря на широкий размах существующих исследований по данному вопросу, проблема домашнего насилия была искажена и политизирована «гендерными войнами». Так, в большинстве отчетов, касающихся семейного насилия, говорится исключительно о женщинах и детях как жертвах жестокого обращения, при этом умалчивается о возможных негативных последствиях для представителей «сильного пола», накладывается табу на сам факт возможности возникновения ситуации, где пострадавшим будет мужчина.

В связи с этим разграничение понятий «конфликтная ситуация» и «ситуация насилия» особенно важно при изучении проблемы супружеского насилия в отношении мужчин, т.к. в большинстве случаев последняя рассматривается как своего рода «разовая перебранка», не несущая серьезных последствий для мужей/сожителей/партнеров. Психологическое давление, например, имеющее систематический характер со стороны жены, вообще не оценивается в качестве насилия, а являет собой повседневность («Все жены пилят...»). В свою очередь любое вербальное оскорбление женщины, без сомнения, определяется представителями кризисных служб как жестокое обращение, имеющее эмоционально-психологическую основу. Аналогичный подход характерен и для экономического принуждения: когда женщина обязывается отчитываться в потраченных средствах, ограничивается в выборе работы, лишается возможности

делать карьеру – это, безусловно, насилие. Как только дело касается мужчины – отбирание заработной платы у мужа, критика его работы (начиная от размера заработной платы и заканчивая нелестными характеристиками его коллег) оправдываются необходимостью рационального планирования поступления и распределения средств, ведения семейного бюджета. Приходим к несложной формуле: «Независимо от того, что мужчина делает по отношению к женщине, – это его вина, независимо от того, что женщина делает по отношению к мужчине, – это также его вина».

Такой искаженный анализ проблемы семейного насилия имеет ряд причин.

Во-первых, как отмечал М. Страус (M. Straus) и его коллеги [5, с. 89], мужчина стремится использовать более серьезные формы агрессии, чем его партнерша, и причиняет ей более сильный физический вред. Следовательно, центр внимания исследований по проблеме домашнего насилия фокусируется именно на факторах риска, способствующих формированию и развитию агрессии со стороны мужчин по отношению к своим домочадцам и, в дальнейшем, предотвращении мужского насилия.

Во-вторых, даже когда в исследованиях как мужчины, так и женщины оцениваются в качестве субъектов насилия, информация по такого рода инцидентам обычно собирается на основании анализа только агрессивного поведения мужчины (хотя зачастую женщина проявляет агрессию в равной степени со своим мужем/партнером). При этом данную информацию получают именно из сообщений самих женщин, что способствует одностороннему рассмотрению ситуации насилия.

В-третьих, как предполагается, женское домашнее насилие появляется и прогрессирует только как реакция на насилие со стороны ее партнера/сожителя/мужа и, таким образом, по сути, является самообороной. При этом самооборона превышает количество случаев, когда насилие выступает в качестве «возмездия за прошлую агрессию по отношению к себе» (характерно для ситуаций, в которых мужчина находится в беспомощном состоянии, например, алкогольное опьянение) либо в качестве «целенаправленного причинения вреда партнеру».

В противоположность последнему предположению О'Лири (O'Leary) обнаружил, что процент женщин и мужчин, которые исследовались на проявления односторонней агрессии по отношению к своим партнерам в предбрачный период, после 18 и 30 месяцев брака, был следующим: 13%, 8% и 9% для мужчин и 26%, 17% и

16% для женщин (соответственно) [6, с. 264]. К тому же подобные акты агрессии не всегда являлись «защитной реакцией» со стороны женщины. Полученные результаты были подтверждены рядом других исследований [7].

В-четвертых, следует отметить, что недостаток исследований по проблеме женского насилия может также обуславливаться доминирующими культурными нормами, которые приписывают и, более того, назначают женщине на роль «хранительницы семейного очага» и «воспитательницы детей». В результате этого женщина априори не способна к проявлению любых форм агрессии.

Существуют и другие причины, которые способствуют заблуждению ученых-исследователей, соответствующих специалистов и всей общественности относительно проблемы жестокого обращения в семье:

– мужчины обычно не сообщают в правоохранительные органы об инцидентах насилия со стороны их жен/сожительниц;

– дети в большинстве случаев отказываются свидетельствовать против склонных к жестокости и агрессии матерей;

– женщины значительно чаще обращаются в правоохранительные органы с обвинениями в насилии в адрес своих сожителей/мужей [8].

Некоторые женщины вызывают милицию, так как налицо реальная потребность во вмешательстве, без которого ситуация может только ухудшиться, а количество пострадавших увеличиться. Однако имеются случаи, когда женщина заявляет о мужчине как преступнике, независимо от того, совершал он насилие или нет.

Кроме того, женщины особым образом «подкреплены» местным сообществом немедленно сообщать о насилии со стороны их мужей. Часто сообщество заочно принимает на веру миф об исключительности домашнего насилия только как насилия против женщин, не учитывая всего комплекса эмпирических данных, полученных в ходе исследований. Не последняя роль принадлежит также средствам массовой коммуникации, которые особенно сильно акцентируют внимание на «кризисных ситуациях» и женщинах-жертвах, обделенных судьбой. Мужчинам при этом, согласно общественному мнению, не должно сообщать, что они пострадали от рук собственных жен/сожительниц.

Некоторые женщины обращаются в правоохранительные органы и другие организации, обладающие соответствующей властью и по закону способные вмешаться в сложившуюся ситуацию, потому что они испуганы незначительным инцидентом и не хотят, чтобы он повто-

рился с удвоенной или утроенной силой, так называемое «заявление для профилактики». В подобных случаях главная и определяющая роль должна отводиться именно специалистам и сотрудникам данных учреждений, чтобы на ранних стадиях выявить причины возникновения насилия, всесторонне проанализировать инцидент, а также «вклад» каждого участника в становление кризиса.

Возможны ситуации, когда женщины делают заведомо ложные заявления в правоохранительные органы, т.к. может возникнуть юридическая, финансовая или детская «награда» за создание ложного сообщения. Некоторые поверенные лица по делам развода и гендерные активисты специализируются в «фабрикации» ложных обвинений с целью получения определенной выгоды и выставлении своей клиентки в благожелательном свете.

Не последняя роль в формировании одностороннего понимания проблемы жестокого обращения в семье отводится кризисным центрам и учреждениям, призванным оказывать помощь и поддержку, обеспечивать и гарантировать защиту жертвы от ее преследователя. В большинстве подобных социальных служб домашнее насилие трактуется как «все более и более видимая социальная и юридическая проблема, где женщины испытывают насилие и жестокое обращение со стороны партнеров» [8]. Следовательно, насилие в семье выступает исключительно как злоупотребление женщиной (ее психологической, физической, сексуальной и экономической свободой). Господствующий постулат – «мужчина – насильник, женщина – жертва».

Удивительным является также тот факт, что при анализе насилия в семье в отношении женщин работники женских убежищ и кризисных центров склонны вычленять различные виды жестокого обращения (физическое, психологическое, сексуальное, экономическое), если же пострадавший – мужчина, такого не наблюдается. Единственное решение, отстаиваемое большинством социальных служб, – изоляция от плохого и опасного мужчины, стремящегося вернуть положение патриархата.

По мнению автора, данный подход не является приемлемым, так как препятствует планированию и осуществлению рациональных программ предотвращения и преодоления семейного насилия, развитию конструктивной практики вмешательства, одновременной работы с виновными и жертвами обоих полов для совместного преодоления кризиса.

Исследователи, изучающие человеческую агрессию, обнаруживают, что в отличие от

обычных стереотипов, образцы агрессии среди девочек и женщин при некоторых обстоятельствах могут отражать или даже преувеличивать замеченные образцы агрессии в мальчиках и мужчинах. И хотя принято считать, что женское оружие – часто слова, физическая сила тоже может использоваться для выяснения отношений (это различного рода толчки и захваты, удары кулаками или ногами, бросание предметов в партнера, использование оружия и др.) [8].

Таким образом, эксперты в области человеческой агрессии признают, что даже в детстве между мужской и женской агрессией больше схожести, чем различий.

До недавнего времени ученые, изучающие агрессию, имели тенденцию включать в ее число только прямые физические действия или вербальные оскорбления, способные нанести вред другому человеку. Тогда они обнаружили, что большой ущерб может быть причинен другому человеку настолько тонко, что даже жертва этого не осознает. Клевета, сплетни, распускание слухов и наговоры могут так же «уничтожать противника», как непосредственные словесные или физические нападения. Подобные случаи теперь формально известны в психологических кругах как «косвенная агрессия», и их образцы прослеживаются так же тщательно, как прямое насилие различных видов (физическое, психологическое, сексуальное, экономическое). В результате данного анализа с факторами косвенной агрессии больше не связывают исключительно мужчин.

В крупномасштабном обзоре множества исследований о физической враждебности в гетеросексуальных отношениях, доктор Джон Арчер (J. Archer), физиолог университета Центрального Ланкашира в Великобритании, выяснил, что, хотя женщины обнаруживают более серьезные и видимые повреждения, чем мужчины в ходе домашних споров и ссор, они, столь же вероятно, как и мужчины, проявляют физическую агрессию в общении с сексуальным партнером [9, с. 339].

Одна из ведущих исследовательниц в области насилия в семье – Сьюзен Стеинметц (S.K. Steinmetz) провела кросс-культурное сравнение супружеского насилия, результаты которого были опубликованы в журнале социологии и социального благосостояния под заголовком «Женатые пары из 9 различных культур». Изучалось брачное насилие в шести обществах – Финляндии, США, Канаде, Пуэрто-Рико, Белизе и Израиле (общее количество респондентов $n = 630$). Обнаружено, что «в каждом обществе количество мужей, использовавших насилие,

было равно количеству жен, широко применяющих практику жестокого обращения по отношению к своим близким» [10, с. 411]. Исключением стал Пуэрто-Рико, где мужчины значительно чаще проявляли агрессию по отношению к своей партнерше.

Другое исследование пар в Канаде подтвердило те же самые показатели: уровень серьезного насилия «мужа в отношении жены» составил 4,8%, в то время как серьезное насилие «жены в отношении мужа» был 10% [11, с. 421].

Однако, несмотря на появление исследований о женском насилии в семье, много несоответствий наблюдалось и наблюдается сейчас в литературе, посвященной равенству в проявлении жестокого обращения со стороны каждого из партнеров. Ряд ученых выдвинули гипотезу, что существуют различные типы межличностной агрессии, которые проявляются в зависимости от изучаемой совокупности респондентов. М. Джонсон (M. Johnson) [12, с. 291] доказывал, что исследование, использующее клиническую выборку {clinical sample} (например, клиенты кризисных центров, судов, медицинских учреждений), обнаруживает форму агрессии, которую он описывает как «терроризм близких» {Intimate terrorism}. При такой выборке мужские преступники далеко превосходят численностью женских обидчиков, агрессия в большинстве случаев односторонняя (за исключением ситуации самозащиты), очень частая и со временем увеличивается по своей жестокости. Исследование, использующее выборку по местному сообществу {community sample}, в свою очередь, обнаруживает то, что М. Джонсон назвал «обычное супружеское насилие» {common couple violence}. Вторая форма агрессии – менее жестока по своим проявлениям, менее частая и не усиливается со временем, обычно включая в себя двухстороннее использование физической силы (как мужем, так и женой). Таким образом, для достоверного и полного анализа состояния кризиса семьи, обусловленного жестоким обращением с любым из ее членов, важно комплексно подходить к решению проблемы, исходя не только из самого инцидента, но и с точки зрения того, кто в нем участвовал, каковы причины и возможные будущие последствия для каждой из участвующих сторон.

Следовательно, осмысливая проблему домашнего насилия, необходимо понимать: во-первых, категории «насилие» и «конфликт» не являются тождественными друг другу, не могут использоваться взаимозаменяемо; во-вторых, определение «домашнее» подразумевает под со-

бой не только узкую трактовку как «мужское», но и учитывает вероятность появления «женского» насилия в отношении своих партнеров. При этом важно избегать общих ошибок, согласно которым насилие в отношении мужчины называется исключительно «конфликтом», так как, согласно патриархальным традициям, мужчина по определению не может быть «жертвой».

Всесторонне анализируя семейное насилие, необходимо признать, что женщины также способны на насилие. В результате этого существует потребность в образовательных программах национального масштаба, которые бы показывали истинную картину и способствовали преодолению жестокого обращения в семье ко всем ее членам. Обучение мужчин ненасильственным формам поведения имеет место в практике социальных служб (в данном направлении далеко продвинулись в г. Барнауле, есть попытки «помочь» мужчинам и в г. Арзамасе). Обучение же женщин-агрессоров отсутствует, что требует развития соответствующих образовательных программ в рамках социальных учреждений.

Список литературы и примечания

1. Straus, M.A. Behind Closed Doors: Violence in the American Family / M.A. Straus, R.J. Gelles, S.K. Stemmetz // Doubleday. – NY: Garden City, 1980; Straus, M.A. Physical Violence in American Families: Risk Factors and Adaptations to Violence in 8,145 Families / M.A. Straus, R.J. Gelles // Transaction Books. – NJ: New Brunswick, 1990.
2. Хасан, Б.И. Конструктивная психология конфликта / Б.И. Хасан. – СПб.: Питер, 2003. – 250 с. – ISBN 5-94723-557-9.
3. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 688 с. – ISBN 5-04-007307-0.
4. Walker, L. Battered Women / L. Walker. – N.Y.: Harper & Row, 1985.
5. Straus, M.A. Physical Violence in American Families: Risk Factors and Adaptations to Violence in 8,145 Families / M.A. Straus, R.J. Gelles // Transaction Books. – NJ: New Brunswick, 1990.
6. O'Leary, K.D. Prevalence and stability of physical aggression between spouses: A longitudinal analysis / K.D. O'Leary, J. Barling, I. Arias, A. Rosenbaum, J. Maionc and A. Tyree // J. Consult. Clin. Psychol. – 1989. – № 57. – P. 263–268.
7. Archer, J. Dating violence in the United Kingdom: a preliminary study / J. Archer, N. Ray // Aggressive Behavior. – 1989. – № 15. – P. 337–343 (Количество респондентов – 23 любовные пары. Результаты исследования доказывали, что женщины более склонны к выражению физической агрессии, чем мужчины); Arias, I. Evaluations of physical aggression among intimate dyads / I. Arias, P. Johnson // Journal of Interper-

sonal Violence. – 1989. – № 4. – P. 298–307 (Оценки физической агрессии среди близких пар – опрошено 103 мужчины и 99 женщин. Мужчины и женщины имели схожий опыт межличностного насилия); Bland, R. Family violence and psychiatric disorder / R. Bland, H. Orne // *Canadian Journal of Psychiatry*. – 1986. – № 31. P. 129–137 (В интервью с 1200 канадцами – 489 мужчин и 711 женщин – было установлено, что женщины значительно чаще как инициировали насилие, так и проявляли физическую агрессию к своим партнерам); Gonzalez, D.M. Why females initiate violence: A study examining the reasons behind assaults on men. Unpublished master's thesis. – Long Beach: California State University, 1997 (225 студенток колледжа участвовали в опросе, который исследовал их прошлую историю насилия и проявление агрессивного поведения в отношении их партнеров. Результаты указывают, что 55% респонденток допустили инициирование физической агрессии, наиболее общей причиной которой указывалась самопроизвольная реакция на расстройство); White, J.W. Women's aggression in heterosexual conflicts / J.W. White, Humphrey // *Aggressive Behavior*. – 1994. – № 20. P. 195–202 (Количество респонденток – 829. Ре-

зультаты показывают, что 51,5% женщин использовали физическую агрессию по крайней мере один раз в последних отношениях с мужчиной в предшествующем году, 30,2% женщин физически нападали на своих партнеров).

8. Домашнее насилие. Часть I. (Перевод с английского) / [Обращение к документу: 15 августа 2006]. Доступ через

<http://menalmanah.narod.ru/mw/domviol-1.html>

9. Archer, J. Dating violence in the United Kingdom: a preliminary study / J. Archer, N. Ray // *Aggressive Behavior*. – 1989. – № 15. – P. 337–343.

10. Steinmetz, S.K. A cross cultural comparison of marital abuse / S.K. Steinmetz // *Journal of Sociology and Social Welfare*. – 1981. – № 8. – P. 404–414.

11. Brinkerhoff, M. Interspousal violence / M. Brinkerhoff, E. Lupri // *Canadian Journal of Sociology*. – 1988. – № 13. – P. 407–434 (К серьезным формам насилия исследователи относили удары кулаками или ногами, удары различными предметами, избивание, угрозы применения и непосредственное использование оружия).

12. Johnson, M. Patriarchal terrorism and common couple violence: Two forms of violence against women /

DOMESTIC VIOLENCE: MEN CAN ALSO BE VICTIMS

Braytseva E.A.

The article is devoted to the problem of domestic violence towards men which was distorted and politicized in feminist studies. The author analyses differences between violence and conflict situations, discusses causes of the prevailing one-sided approach to this problem. In the article the need for developing educational programs for aggressive women by social services is motivated.

M. Johnson // J. Marriage Fam. – 1995. – № 57. – P. 283–294.